

Немецкая упаковка для русского романа: к проблеме жанра «Огненного ангела» В. Брюсова

DOI 10.31483/r-98778
УДК 821.161.1, 82-313.3, 284.1

Кранк Э.О.

БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств»
Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела
Чувашской Республики,
Чебоксары, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0000-0002-6387-7710>, e-mail: krank1@mail.ru

Резюме: Статья посвящена проблеме жанра романа В. Брюсова «Огненный ангел». *Цель статьи* состоит в утверждении, что традиция средневекового немецкого романа используется автором в стилизационном качестве. Метод литературной мистификации нужен Брюсову не столько для сокрытия реальных отношений в жизни конкретных людей, послуживших прототипами героев романа, сколько в установлении аллюзивной культурной связи между Германией эпохи М. Лютера и «серебряным веком» русской литературы, с его интересом к вопросам религии и пола. *Актуальность* исследования продиктована вниманием современного читателя к литературе «серебряного века», а также особым интересом к метаморфозам, который претерпевает жанр романа в эпоху модернизма и постмодерна. *Материалами* исследования являются текст романа, биографические материалы, связанные с личностями прототипов, отзывами литературной критики, а также литературоведческие исследования. В работе используются дескриптивный, герменевтический, синхронический, диахронический, историко-генетический, компаративистский, аналитический и биографический *методы*. *Результаты исследования и их обсуждение* состоят в рефлексии по поводу парадигмы в определении жанра романа, в указании на традицию литературной мистификации, восходящей к «Повестям Белкина» А. Пушкина, а также на то обстоятельство, что религиозные поиски, свойственные прототипам героев романа, сродни протестантским настроениям времен Реформации. В результате мы приходим к *выводу* о том, что литературная традиция немецкого средневековья продолжена автором как следствие антропологического единства архетипической ситуации, заложенной в основание сюжетов как романа В. Брюсова, так и первой части «Фауста» И.В. Гете, а также романа А. Белого «Петербург», в котором инвариант любовного треугольника и его трансформация от прототипов к персонажам представлены тем же механизмом, как это свойственно «Огненному ангелу». В утверждении такого способа воплощения поведенческой схемы (антропологического инварианта) в процессе преобразования прототипов в персонажей состоит *новаторство* настоящей работы.

Ключевые слова: протестантизм, серебряный век, роман как жанр, прототип, антропологический инвариант.

Для цитирования: Васильев В.А. К вопросу о взаимодействии чувашской и азербайджанской культур: древность и современность // Этническая культура. – 2021. – Т. 3, №2. – С. 34-38. DOI: 10.31483/r-98778.

German Packaging for Russian Novel: on the Problem of the Genre of the “Fiery Angel” by V. Bryusov

Eduard O. Krank

BEI of HE “Chuvash State Institute of Culture and Arts”
of the Ministry of Culture on Nationality and Archival Affairs of the Chuvash Republic,
Cheboksary, Russian Federation.

<https://orcid.org/0000-0002-6387-7710>, e-mail: krank1@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the problem of the genre of V. Bryusov’s novel “The Fiery Angel”. The *purpose* of the article is to assert that the author uses the tradition of the medieval German novel in a stylized capacity. Bryusov needs the method of literary mystification not so much to hide relationships of real people who served as prototypes for the heroes of the novel, but to establish an allusive cultural connection between Germany in the era of M. Luther and the “Silver Age” of Russian literature, with its interest in issues of religion and gender. The *relevance* of the study dictated by the attention of the modern reader to the literature of the “Silver Age”, as well as a special interest in metamorphoses that the novel genre undergoes in the era of modernism and postmodernism. The *research materials* are the text of the novel, biographical information related to the personalities of prototypes, reviews of literary criticism, as well as literary studies. We use descriptive, hermeneutic, synchronic, diachronic, historical-genetic, comparative, analytical and biographical *methods* in this work. *The results of the study and their discussion* consist in reflection on the paradigm in defining the genre of the novel, in pointing out the tradition of literary mystification, which rises to the “Belkin’s Tales” by A. Pushkin. Also important is the circumstances that the religious searches inherent in the prototypes of the heroes of the novel are akin to Protestant moods of the Reformation. As a result, we *conclude* that the author, because of the anthropological unity of the archetypal situation, continued the literary tradition of the German Middle Ages. It is laid down in the basis of the plots of both V. Bryusov’s novel and the first part of “Faust” by I.W. Goethe, as well as A. Belyi’s novel “Petersburg”, in which the love triangle invariant and its transformation from prototypes to characters is represented by the same mechanism as is characteristic of the “Fiery Angel”. The assertion of this way of implementing a behavioral scheme (anthropological invariant) in the process of transforming prototypes into characters is the *innovation* of our work.

Keywords: Protestantism, Silver Age, novel as a genre, prototype, anthropological invariant.

For citation: Krank E.O. (2021). German Packaging for Russian Novel: on the Problem of the Genre of the “Fiery Angel” by V. Bryusov. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 3(2), 34-38. (in Russ.). DOI:10.31483/r-98778.

Введение

Актуальность исследования продиктована вниманием современного читателя к литературе «серебряного века», а также особым интересом к метаморфозам,

который претерпевает жанр романа в эпоху модернизма и постмодерна. Собственно говоря, свое совершенство роман как жанр получил в «Братьях Карамазовых» Ф. Достоевского и «Анне Карениной» Л. Толстого.

Если представить себе жанр романа как определенную форму, то можно сказать, что эта форма оказалась названными произведениями восполненной и, как таковой, жанр классического романа если не утратил свою актуальность, то во всяком случае нуждался в каких-то новациях и переосмыслениях, которые соответствовали бы «пост-толстовской» эпохе; ею, собственно говоря, и была эпоха модернизма, весьма своеобразно представленная в русском «серебряном веке».

Пожалуй, ни одно из произведений В. Брюсова не подвергалось столь многообразным жанровым трактовкам, как роман «Огненный ангел». Подробную литературу, связанную с жанровым своеобразием романа, можно найти в диссертации В. Малкиной «Поэтика исторического романа» [12, с. 137–149], а также в послесловии Е. Чудецкой к «Огненному ангелу» в семитомном собрании сочинений Брюсова 1973–1975 гг. [17, с. 341–349]. Изучая летопись критических высказываний о романе, можно заключить, что противоречивость оценок имеет в своей основе не столько противоречивость предмета исследования, т. е. самого романа Брюсова, сколько противоречивость (или невнимательность, а то и неосведомленность) исследователей.

Что касается определения жанрового своеобразия «Огненного ангела», то роман В. Брюсова квалифицируют в качестве: авантюрного [1, с. 88; 16, с. 213], готического [8, с. 91], исторического [15, с. 29; 19, с. 254], автобиографического [1, с. 90], психологического [10, с. 9], историко-психологического [14, с. 7], мистико-религиозного, или оккультного [3, с. 408–411], демонологического [2, с. 390], символического [18, с. 203–204], психолого-философского [1, с. 92], философского [6, с. 32, 34], наконец – в качестве антиромана [9, с. 18].

Каждая из упомянутых жанровых квалификаций по-своему справедлива, однако ни одна из них не является исчерпывающей, в плане соответствия роману как целому. В самом деле, мы видим определенную близость текста В. Брюсова средневековым авантюрным повестям, «Симплициссимусу» Г.Я.К. фон Гриммельсгаузена, романам В. Скотта, Ч.Р. Метьюрина, историческим повестям А. Пушкина и Н. Гоголя и т. д., однако роман Брюсова не преследует целей, какие ставили перед собой названные писатели (как бы эти цели между собой ни разнились), а потому проблема жанра является сущностной в плане «мессиджа» романа и «горизонтов ожидания» читательской аудитории. В известном смысле, сам Брюсов, предварив роман «предисловием издателя», носящим характер традиционной мистификации, а также соответствующими «примечаниями издателя», виноват в том, что его текст оценивают с точки зрения исторического романа по преимуществу.

Материалы и методы

Материалами исследования является текст романа В. Брюсова «Огненный ангел», биографические материалы, связанные с личностями прототипов, отзывами современной Брюсову литературной критики, а также литературоведческие исследования последующего периода. В работе используются дескриптивный,

герменевтический, синхронический, диахронический, историко-генетический, компаративистский, аналитический и биографический методы.

Результаты исследования и их обсуждение

Перефразируя известную сентенцию А. Пушкина, художника судят по тем законам, какие он сам устанавливает в своем произведении. Если представляется справедливым характеризовать роман в качестве исторического на уровне замысла, после поездки В. Брюсова по Германии (1897), – то этого оказывается недостаточно для рефлексии по поводу текста романа, который был создан спустя почти десятилетие. При его создании Брюсов уже не руководствовался прежними намерениями воссоздать по преимуществу историко-культурную среду времен Реформации, но переподчинил их стремлению художественного исследования любовной истории, связанной с персонами его самого, Нины Петровской и Андрея Белого. Средством для такого нарратива он выбирает стилизацию под исторический роман, которой большинство литературных критиков и исследователей не уделили должного внимания, сосредоточив его на историчности или символических абберациях повествования, а не на смысле стилизации любовной истории под историческое повествование.

Надо отдать должное проницательности и художественному вкусу М. Кузмина, который охарактеризовал произведение именно в качестве стилизации, понятой как «перенесение своего замысла в известную эпоху, и обличение его в точную литературную форму данного времени» [10, с. 9]. Как кунштюк, заслуживает внимания характеристика романа, данная А. Левинсоном, полагавшим, что история взаимоотношений Рупрехта и Ренаты «служит лишь поводом для изображения духовной и бытовой жизни германского Возрождения. В этом – преобладающий и бесспорный интерес повести и в то же время роковой мотив ее художественной и психологической несостоятельности» [11, с. 125]. А. Левинсон перевернул всё с ног на голову: с точки зрения художественно-психологической, роман является одним из шедевров русской литературы «серебряного века», это уже не надо никому доказывать. Более того, именно с художественно-психологической точки зрения текст представляет максимальную ценность, а «роковой мотив», несомненно, есть мотив жанрообразующий: психологическая взаимозависимость влюбленных (как и их неслиянность и противоборство) являются, несомненно, основой сюжетной интриги. Вопрос лишь в том, зачем В. Брюсову понадобилось немецкое Возрождение? Т. е. насущен вопрос об адекватности средства цели: почему именно Германия, почему XVI в., зачем нужен перенос в эпоху Лютера и церковных войн, зачем Агриппа и доктор Фауст и т. д.? Представляется, что, ответив на этот вопрос, мы пойдем к специфике художественной условности текста, что необходимо для уяснения его формы.

Публикация воспоминаний Н. Петровской о В. Брюсове, а также их переписка [13, с. 773–789] весьма способствовали уяснению специфики и смысла работы В. Брюсова над романом. Первоначально, как представля-

ется, сюжетобразующим моментом был треугольник «А. Белый – Н. Петровская – В. Брюсов», воплощенный соответственно в треугольнике «Генрих – Рената – Рупрехт». В воспоминаниях А. Белого и Н. Петровской мы находим следы той почти научной пристальности, с какой наблюдал Брюсов за двумя другими персонажами: «...крохоборствовал он (В. Брюсов. – Э.К.), собирая штрихи для героев, задуманных среди знакомых, но их превращал в фантастику <...>; графом Генрихом <...> служили ему небывлицы, рассказанные Н *** об общении со мной; он, бросивши плащ на меня, заставлял произвольно меня в месяцах ему позировать, ставя вопросы из своего романа и заставляя на них отвечать; я же, не зная романа, не понимал, зачем он, за мною – точно гоняясь, высматривает мою подноготную и экзаменует вопросами <...>; когда стали печататься главы романа «Огненный ангел», я понял «стилистику» его вопросов ко мне» [5, с. 283–284].

Однако понятие «любовный треугольник» вряд ли применимо в отношении как к персонажам романа, так и к его прототипам, поскольку собственно любовной интриги между А. Белым и Н. Петровской не было: «вместо грез о мистерии, братстве и сестринстве, оказался просто роман <...> чувствовалось недоумение, вопрос <...>; я ведь так старался пояснить Нине Ивановне, что между нами – Христос; она – соглашалась; и – потом, вдруг – «такое». Мои порывания к мистерии, к «теургии» потерпели поражение» [4, л. 42–43]. Другими словами, если любовная интрига и имела место в отношениях А. Белого и Н. Петровской, то лишь со стороны последней; более того – критические нотки в адрес А. Белого в ее воспоминаниях вряд ли можно транскрибировать как своего рода любовные упреки по поводу неосуществленного романа: слишком они пренебрежительны и косвенны. В «Огненном ангеле» отношения между Генрихом и Ренатой окрашены не в физиологические, а в «теургические» тона, вполне в духе А. Белого, что наносит урон интриге. Рупрехт и Рената безуспешно ищут Генриха в Кельне на протяжении многих страниц; даже занятия магией и участие в шабаше (!) не увенчивали эти поиски успехом. Вполне уместен вопрос: в отношении развития сюжета и интриги – зачем тогда магия и шабаш? Только для того, чтобы Рупрехт случайно заметил во время шабаша Ренату, что льет воду на мельницу одержимости Ренаты инфермальными силами?

Собственно говоря, в «Ангеле» не «треугольник», а «четыреугольник» (или, если угодно, тетраэдр), поскольку отношения Ренаты с Генрихом есть проекция ее отношений с ангелом Мадизлем, и в окружении В. Брюсова мы вряд ли найдем соответствующий ангелу прототип. Как бы то ни было, в отношении Рупрехта к Генриху мы можем констатировать то, что К.С. Станиславский называет «пристройкой снизу»: авторитет графа не подлежит пересмотру, вопреки разочарованию В. Брюсова в прототипе Генриха. Не будем входить в сложность отношений двух писателей, сославшись на весьма многогранный и подробный комментарий С.С. Гречишкина и А.В. Лаврова к публикации переписки В. Брюсова с А. Белым [7, с. 327–348]; отметим

только, что восхищение В. Брюсова А. Белым в пору знакомства с ним в 1902–1903 гг., сменившееся литературной дуэлью, довольно скоро сходит на нет. И сама литературная дуэль оказывается лишь литературой: все персонажи остаются невредимыми. Эту дуэль можно рассматривать в качестве катализатора эротического в эпоху «серебряного века».

На «декадентский» любовный треугольник немногим позднее будет наложен треугольник «младосимволистский»: «Андрей Белый – Любовь Блок (Менделеева) – Александр Блок», основанный не на популярном у декадентов мотиве сделки с Дьяволом, а уже на «софийности» Вл. Соловьева, метаморфизирующей в антропософию Р. Штайнера. Этот «младосимволистский» треугольник послужит основой другого романа, автором которого явится прототип графа Генриха Андрей Белый, и довольно показательным, что террористическая тема его романа «Петербург» является порождением неутоленного стремления автора к обладанию «вечной женственностью». Этот «антропософский» треугольник, вероятно вследствие неутоленности в обладании «вечной женственностью», дискредитирует как главного героя (Николая Аблеухова), так и второстепенных персонажей: Аполлона Аполлоновича и его неверную жену Анну Петровну (выскажем предположение, что имя изменницы выбрано А. Белым неслучайно: Анной Петровной звали генеральшу Керн, адресат ряда пушкинских стихотворений и писем). На совести автора остались те человечески неряшливые, по меньшей мере, характеристики, за которыми просвечивают прототипы Сергея и Софьи Лихутиных, а именно А. Блок и его жена. В определенном смысле можно сказать, что «Петербург» – повествование, пересоздающее декадентскую любовь младосимволистскими средствами. Т. е. в «Петербурге» А. Белый продолжает жанровую традицию В. Брюсова, ее переинициализируя. Произведение А. Белого в определенном смысле также является историческим романом, поскольку в нем представлены события, предшествовавшие первой русской революции и отделенные семилетней паузой от времени его создания. Сопоставляя «Петербург» с «Огненным ангелом», мы хотим указать на то обстоятельство, что оба романа упираются в антропологическую структуру мелодраматического свойства.

Выводы

Если попытаться дать определение жанру «Огненного ангела», то следует исходить из его антропологического нарратива, со всеми привходящими жанровыми характеристиками, приведенными выше. Утверждаемая В. Брюсовым романная традиция состоит в вариативном преобразовании определенного антропологического инварианта в историческое повествование. В. Брюсову необходима Германия XVI в.: времена Лютеровой реформы можно трактовать как своего рода протестантскую (т. е. моральную по преимуществу) революцию, в которую включались все привходящие (магически-эротические в том числе) обстоятельства. «Серебряный век», эпоха русского религиозно-философского (и, добавим, эротического) ренессанса, с ее

богоискательством и наложением дионисийства на традиционную религиозную идеологию, – был в культурном отношении сродни протестантской Реформации, сопутствовавшей немецкому Возрождению. Речь, таким образом, идет о культурном родстве двух «ренес-

санских» эпох: немецкого Ренессанса XVI века и русского религиозно-художественного ренессанса грани XIX–XX веков – родстве, нашедшем свое сущностное отражение в романе В. Брюсова «Огненный ангел».

Список литературы

1. Абрамович С.Д. Вопросы историзма в романе В.Я. Брюсова «Огненный ангел» / С.Д. Абрамович // Вопросы русской литературы. – Вып. 2. – Львов: Вища школа, 1973. – С. 88–94.
2. Белецкий А.И. Первый исторический роман В.Я. Брюсова / А.И. Белецкий // Брюсов В.Я. Огненный ангел. – М.: Высшая школа, 1993. – С. 380–420.
3. Белый А. Брюсов. «Огненный ангел» // Белый А. Критика. Эстетика. Теория символизма: в 2 т. Т. 2. – М.: Искусство, 1994. – 571 с. – (История эстетики в памятниках и документах).
4. Белый А. Материал к биографии (интимный), предназначенный для изучения только после смерти автора (1923) / А. Белый // ЦГАЛИ. – Ф. 53. – Оп. 2. – Ед. хр. 3.
5. Белый А. Начало века / А. Белый. – М.; Л.: ОГИЗ-ГИХЛ, 1933. – 502 с.
6. Бенькович М.А. «Огненный ангел» Валерия Брюсова: этап интеллектуальной дуэли / М.А. Бенькович // Из истории русской литературы и литературной критики. Вопросы русского языка и литературы. – Кишинев: Штиинца, 1984. – С. 18–36.
7. Гречишкин А.А. Переписка с Андреем Белым 1902–1912. Вступительная статья / А.А. Гречишкин, А.В. Лавров // Литературное наследство. Валерий Брюсов. Т. 85. – М.: Наука, 1976. – С. 332–339.
8. Измайлов А.А. «Огненный ангел» Брюсова // Измайлов А.А. Помрачение божков и новые кумиры: книга о новых веяниях в литературе. – М.: Тип. товарищества И.Д. Сытина, 1910. – С. 90–92.
9. Ильев С.П. Роман или «правдивая повесть»? / С.П. Ильев // Брюсов В.Я. Огненный ангел. – М.: Высшая школа, 1993. – С. 6–20.
10. Кузмин М. О прекрасной ясности: заметки о прозе / М. Кузмин // Аполлон. – 1910. – №4. – С. 5–10.
11. Левинсон А. Валерий Брюсов. Огненный ангел. Повесть XVI века, в двух частях / А. Левинсон // Современный мир. – 1909. – №3. – С. 124–126.
12. Малкина В.Я. Поэтика исторического романа. Проблема инварианта и типология жанра: на материале русской литературы XIX – начала XX века: дис. ... канд. филол. наук / В.Я. Малкина. – М.: РГГУ, 2001. – 216 с.
13. Петровская Н.И. Из «Воспоминаний» / Н.И. Петровская // Литературное наследство. Т. 85. – М.: Наука, 1976. – С. 773–789.
14. Сербов-Бобров С.П. В. Брюсов. Огненный ангел / С.П. Сербов-Бобров // Ребус. – 1908. – №29. – С. 7.
15. Соловьев С. Валерий Брюсов. Огненный ангел. Повесть XVI века / С. Соловьев // Русская мысль. – 1909. – Кн. 2. – С. 29–30.
16. Старикова Е. Реализм и символизм / Е. Старикова // Развитие реализма в русской литературе: в 3-х т. Т. 3: Своеобразие критического реализма конца XIX – начала XX века. Возникновение социалистического реализма / отв. ред. П.А. Николаев. – М.: Наука, 1974. – С. 165–246.
17. Чудецкая Е. «Огненный ангел». История создания и печати / Е. Чудецкая // Брюсов В. Собрание сочинений: в 7-и т. Т. 4. – М.: Художественная литература, 1974. – С. 341–349.
18. Эллис. Русские символисты. Константин Бальмонт. Валерий Брюсов. Андрей Белый. – М.: Книгоиздательство «Мусагет», 1910. – 336 с.
19. Setschkaeff V. The Narrative Prose of Brjusov // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. – 1959. – Vol. 1–2. – P. 237–265.

References

1. Abramovich, S. D. (1973). Voprosy istorizma v romane V.Ia. Briusova "Ognennyi angel". Voprosy russkoi literatury, Вып. 2, 88-94. L'vov: Vishcha shkola.
2. Beletskii, A. I. (1993). Pervyi istoricheskii roman V.Ia. Briusova. Briusov V.Ia. Ognennyi angel, 380-420. M.: Vysshiaia shkola.
3. Belyi, A. (1994). Briusov. "Ognennyi angel". Belyi A. Kritika. Estetika. Teoriia simbolizma, 571. M.: Iskusstvo.
4. Belyi, A. Material k biografii (intimnyi), prednaznachennyi dlia izucheniia tol'ko posle smerti avtora (1923). TsGALI, F. 53, 2.
5. Belyi, A. (1933). Nachalo veka., 502. M.; L.: OGIZ-GIKhL.
6. Ben'kovich, M. A. (1984). "Ognennyi angel" Valerii Briusova: etap intellektual'noi dueli. Iz istorii russkoi literatury i literaturnoi kritiki. Voprosy russkogo iazyka i literatury, 18-36. Kishinev: Shtiintsa.
7. Grechishkin, A. A., & Lavrov, A. V. (1976). Perepiska s Andreev Belym 1902-1912. Vstupitel'naia stat'ia. Literaturnoe nasledstvo. Valerii Briusov. T. 85, 332-339. M.: Nauka.
8. Izmailov, A. A. (1910). "Ognennyi angel" Briusova. Izmailov A.A. Pomrachenie bozhkov i novye kumiry, 90-92. M.: Tip. tovarishchestva I.D. Sytina.
9. Il'ev, S. P. (1993). Roman ili "pravdivaia povest'". Briusov V.Ia. Ognennyi angel, 6-20. M.: Vysshiaia shkola.

10. Kuzmin, M. (1910). O prekrasnoi iasnosti: zametki o proze. Apollon, 4, 5-10.
11. Levinson, A. (1909). Valerii Briusov. Ognennyi angel. Povest' XVI veka, v dvukh chastiakh. Sovremennyi mir, 3, 124-126.
12. Malkina, V. Ia. (2001). Poetika istoricheskogo romana. Problema invarianta i tipologiya zhanra: na materiale russkoi literatury XIX., 216. M.: RGGU.
13. Petrovskaia, N. I. (1976). Iz "Vospominanii". Literaturnoe nasledstvo. T. 85, 773-789. M.: Nauka.
14. Serbov-Bobrov, S. P. (1908). V. Briusov. Ognennyi angel. Rebus, 29, 7.
15. Solov'ev, S. (1909). Valerii Briusov. Ognennyi angel. Povest' XVI veka. Russkaia mysl', Kn. 2, 29-30.
16. Starikova, E. (1974). Realizm i simvolizm. Razvitie realizma v russkoi literature: v 3-kh t. T. 3: Svoeobrazie kriticheskogo realizma kontsa XIX, 165-246. M.: Nauka.
17. Chudetskaia, E. (1974). "Ognennyi angel". Istoriia sozdaniia i pechat. Briusov V. Sobranie sochinenii, 341-349. M.: Khudozhestvennaia literatura.
18. (1910). Ellis. Russkie simvolisty. Konstantin Bal'mont. Valerii Briusov. Andrei Belyi., 336. M.: Knigoizdatel'stvo "Musaget".
19. Setschkareff, V. (1959). The Narrative Prose of Brjusov. International Journal of Slavic Linguistics and Poetics, Vol. 1, 237.

Информация об авторе

Кранк Эдуард Освальдович – канд. филос. наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, Чебоксары, Российская Федерация.

Information about the author

Eduard O. Krank – candidate of philosophic sciences, associate professor of the Department of Humanitarian and Social and Economic Disciplines of the BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts" of the Ministry of Culture on Nationality and Archival Affairs of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation.

Поступила в редакцию / Received 31.05.2021

Принята к публикации / Accepted 25.06.2021

Опубликована / Published 25.06.2021